

Научная статья
УДК 343.54
doi: 10.17223/15617793/517/28

Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде

Мария Ивановна Синяева¹

¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, mari_sinyayeva@mail.ru

Аннотация. Обоснована необходимость совершенствования правового инструментария для квалификации и расследования речевой агрессии молодежи в сетевой среде, включая моббинг и кибербуллинг. Проведен анализ уголовно-правовых и административных норм, судебной практики и статистики цифровых платформ, дополненный сравнительно-правовым сопоставлением зарубежных подходов. Предложены легальные дефиниции «цифровой агрессии», «публичного распространения» и «поликодового сообщения». Намечены направления интеграции указанных понятий и процедур в практику правоохранительных органов для эффективного противодействия деструктивным коммуникациям в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: речевая агрессия, буллинг, моббинг, кибербуллинг, молодежь, цифровая среда, публичный характер, коммуникация

Источник финансирования: работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет2030».

Для цитирования: Синяева М.И. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 249–255. doi: 10.17223/15617793/517/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/28

Some problems of criminal-legal qualification of speech aggression of young people in the digital environment

Mariya I. Sinyayeva¹

¹ Southwest State University, Kursk, Russian Federation, mari_sinyayeva@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the contentious issues of criminal law qualification of youth verbal aggression in the digital environment, including such forms of destructive communicative behavior as mobbing and cyberbullying. The primary emphasis is placed on normative gaps in qualifying these acts, given the increasing relevance of the problem in recent years against the backdrop of the rapid development of digital communication platforms. The research is based on an analysis of current criminal legislation (in particular, Articles 128.1, 280, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation), administrative law norms, as well as judicial and investigative practice regarding cases of verbal aggression in the digital environment. The theoretical foundation consists of scientific concepts of verbal aggression presented in the works of Yu.V. Shcherbinina, K.F. Sedov, T.A. Vorontsova, L.V. Enina, alongside empirical data on the prevalence of various forms of cyberbullying and mobbing on modern digital platforms. In the course of the research, the following methods were used: formal and dialectical logic; analysis of statistical data from digital platforms (TGStat, VK Tech Report, TikTok), revealing the actual scale of aggressive content dissemination; the comparative legal method, enabling the comparison of qualification approaches for similar acts in different jurisdictions; and structural-functional analysis to identify the features of the digital communication environment and its influence on the legal qualification of acts. Based on the findings, the author concludes that there is no unified legal regime for qualifying verbal aggression in the digital environment. Three key problems have been identified: 1. The problem of qualifying the feature of "public nature" in the context of online communications, where a dynamic blending of private and public content status occurs, and traditional categories of public nature ("mass media," "public speeches," "printed publications") do not align with the specifics of digital platforms. 2. The problem of establishing the subjective aspect (*mens rea*) of verbal aggression within the context of youth digital subculture, where direct intent is often masked as a "joke" or "irony," realized through specific polycode means (emojis, memes, slang expressions). 3. The problem of procedural fixation and proof of instances of verbal aggression in the digital environment, including the lack of unified approaches to the collection and procedural legitimization of digital evidence. The author acknowledges that the complete eradication of verbal aggression in digital space is likely impossible; however, it is necessary to develop effective legal mechanisms for its regulation and control.

Keywords: speech aggression, bullying, mobbing, cyberbullying, youth, digital environment, public character, communication

Financial support: The work was carried out within the framework of the Southwestern State University Development Program of the Priority-2030 project.

For citation: Sinyayeva, M.I. (2025) Some problems of criminal-legal qualification of speech aggression of young people in the digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 249–255. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/28

Введение

Актуальность исследования, посвящённого уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодёжи в цифровой среде, определяется совокупностью криминологических и правоприменительных вызовов.

Во-первых, именно молодёжные возрастные социальные группы (14–35 лет) формируют ядро активных пользователей сетевых платформ [1. С. 29], где коммуникативные форматы (стримы, сторис, мемтика, короткие видео) обладают предельной скоростью тиражирования и практически не поддаются традиционным механизмам редакторского или общественного контроля. В результате агрессивные вербальные практики – оскорбления, угрозы, призывы к насилию или разжиганию розни – приобретают массовый характер, трансформируясь из индивидуальных деликтов в фактический инструмент группового давления, что повышает уровень латентности и общественной опасности деяний.

Во-вторых, уголовное законодательство ориентировано на классические каналы публичности («СМИ», «массовые акции», «печатные издания»), тогда как цифровая среда молодёжного общения характеризуется смешением частного и публичного статусов: сообщения могут оперативно перемещаться из закрытых чатов в открытые каналы, а удаление контента не исключает его последующего репоста. Отсюда возникают трудности квалификации по ст. 128.1, 280, 282 УК РФ и разграничения с административными составами; отсутствуют чёткие критерии момента окончания преступления и объёма аудитории, достаточного для признания высказывания «публичным».

В-третьих, специфика молодёжного сленга, иронии, использования эмодзи и мультимедийных вставок осложняет выявление субъективной стороны: прямой умысел нередко маскируется под «шутку», а сами высказывания распространяются с помощью инструментов автоматической модерации и алгоритмических рекомендаций, что требует новых методик экспертной лингвистической оценки. При этом судебно-следственная практика демонстрирует фрагментарность подходов к установлению авторства и неизменности цифровых следов (лог-файлов, метаданных, скриншотов), без чего невозможно достоверно установить состав преступления.

В-четвёртых, существующие профилактические и карательные меры ориентированы преимущественно на защиту несовершеннолетних, что оставляет вне фокуса значительный сегмент молодёжи, юридически совершеннолетней, но социально уязвимой к речевому давлению и вовлечению в деструктивные сообщества.

Таким образом, комплексное исследование проблем квалификации речевой агрессии среди молодёжи в цифровой среде необходимо для:

- 1) уточнения объективных и субъективных признаков соответствующих преступлений;
- 2) разработки критериев разграничения уголовной и административной ответственности;
- 3) совершенствования доказательственной базы в условиях электронного документооборота.

Основные результаты

Формирование понятийно-категориального аппарата настоящего исследования требует разграничения терминов, описывающих речевое взаимодействие молодёжи в цифровой среде.

Ю.В. Щербинина относит феномен речевой агрессии преимущественно к ювенальной коммуникативной среде и сфере педагогического взаимодействия. Под речевой агрессией, в её интерпретации, следует понимать вербальное воздействие, направленное на умаление коммуникативного партнёра через эксплицитное выражение негативных эмоций, мотивов или намерений в форме, выходящей за пределы социально приемлемого речевого протокола [2. С. 181]. К числу характерных вербальных актов относятся публичное или частное оскорбление, угроза причинения вреда, императивное грубое требование, демонстративный отказ, обвинительное высказывание, а равно насмешка, высмеивающая или дискредитирующая адресата.

По К.Ф. Седову, речевая агрессия представляет собой преднамеренный коммуникативный акт, конечной целью которого является индукция у адресата негативного эмоционально-психологического состояния, то есть сознательное провоцирование дискомфорта, тревоги либо раздражения у объекта речевого воздействия [3. С. 92].

Т.А. Воронцова квалифицирует данный феномен как конфликтогенное речевое поведение, основанное на субъектно-объектной модели коммуникации, при которой говорящий рассматривает собеседника не как равноправного участника диалога, а как объект для манипулятивного воздействия, вызывающего негативные эмоциональные переживания [4. С. 113].

Л.В. Енина интерпретирует речевую агрессию через призму психологической мотивации: это часть речевого поведения, обусловленная актуализацией агрессивного состояния говорящего, то есть внутренне детерминированной готовностью к вербальной экспансии [5. С. 256].

В цифровой коммуникационной среде речевая агрессия проявляется преимущественно в двух формах – моббинге и кибербуллинге. Моббинг в онлайн-пространстве представляет собой тщательно координированное «групповое давление», когда несколько участников единого чата, форума или стрим-ленты синхронно атакуют адресата, стремясь обнулить его

статус и выбить из комфортного эмоционального равновесия. Психолингвистически это выражается употреблением пейоративной лексики, обценных эскапад, стигматизирующих ярлыков, а также визуальных триггеров – агрессивных мемов, эмодзи-оскорблений, «капса» и иных графических приёмов усиления экспрессии. К дискурсивным практикам относятся ярлыкование, дезинформация, публичный «слив» приватных данных, виртуальный бойкот и демонстративное игнорирование, формирующие у «таргета» ощущение непрерывного, пусть и дистанционного, контроля со стороны «толпы» [6. С. 24].

Кибербуллинг, напротив, чаще инициируется одним или несколькими «хейтерами», но быстро обрастает дополнительными подписчиками за счёт алгоритмического «разгона» контента. Его ключевые свойства – высокая медиавирусность (объект нападения мгновенно становится «трендом»), круглосуточная асинхронность (атака не прекращается даже в периоды офлайн-отключения жертвы) и маскирующая анонимность агрессора, повышающая субъективное чувство безнаказанности. Конфигурация «хейтеры – жертва» маркирует жёсткий дисбаланс цифрового капитала и символической власти внутри молодёжной субкультуры, где «рейтинги» и «подписчики» приравняются к реальной силе воздействия [7. С. 179].

Моббинг и кибербуллинг сходны по трём фундаментальным признакам. Во-первых, обе формы преследования направлены на разрушение социального статуса адресата путём длительного психологического давления. Во-вторых, в обоих случаях используется идентичный лингвистический инструментарий: пейоративная лексика, стигматизирующие ярлыки, обценные конструкции и визуально-вербальные маркёры (мемы, эмодзи-оскорбления), превращающие коммуникацию в механизм дегуманизации. В-третьих, последствия для жертвы унифицируются в виде хронического дистресса, чувства социальной изоляции и эрозии личной идентичности.

Одновременно фиксируются и существенные различия. Моббинг первоначально организуется группой офлайн-участников одного коллектива и действует синхронно: давление оказывается «единым фронтом» в пределах учебной или рабочей среды. Кибербуллинг, напротив, часто начинается с одиночной атаки и приобретает массовый характер за счёт сетевой вариативности, когда к агрессии спонтанно подключаются новые пользователи. Далее, моббинг локализуется во времени и пространстве (уроки, смены, репетиции), тогда как кибербуллинг децентрализован и сопровождает жертву круглосуточно, распространяясь по различным цифровым платформам. Наконец, при моббинге личности преследователей обычно известны, их статус социально закреплён, тогда как кибербуллинг функционирует под защитой анонимных никнеймов, временных аккаунтов и технических прокси, что усиливает субъективное чувство безнаказанности агрессоров.

Современная типология выделяет ряд устойчивых сценариев: «флейм» – эмоционально нагретые баттлы с обценной лексикой; «хейт-спам» – серийные оскорбительные рассылки; «слив репутации» – дистрибуция

фейков, дипфейков и фотожаб; «фейк-аккаунт» – публикация токсичного контента от имени жертвы; «докс» – обнародование приватных данных; «диджитал-бойкот» – искусственное исключение из групповых чатов; «сталкинг» – навязчивое отслеживание онлайн-активности. Эскалацию подпитывают «эхо-камеры» рекомендаций, мгновенные репосты и геймифицированная система лайков, превращающая травлю в квази-ритуал, где каждая новая атака повышает символический статус агрессора.

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым поэтапно проанализировать несколько узловых проблем, препятствующих адекватной уголовно-правовой реакции на описанные явления.

1. Проблема квалификации признака публичности в контексте сетевых коммуникаций

Действующее уголовное законодательство оперирует традиционными категориями публичности («средства массовой информации», «публичные выступления», «печатные издания»), которые не соответствуют специфике цифровых платформ, используемых молодежью. Современная цифровая коммуникация характеризуется динамичным смешением частного и публичного статусов контента: высказывания могут мгновенно перемещаться из закрытых чатов в общедоступное пространство посредством репостов, скриншотов и автоматических рекомендаций. Отсутствуют легитимные критерии определения момента окончания преступления и количественных параметров аудитории, достаточной для квалификации высказывания как «публичного» в контексте составов, предусмотренных ст. 128.1, 280, 282 УК РФ. При этом удаление первоначального контента не исключает его дальнейшего распространения в сетевом пространстве, что создает эффект пролонгированной публичности и затрудняет определение временных границ деяния.

Практика подтверждает данный изъян нормативной конструкции. Так, по сведениям сервиса TGStat, в I квартале 2024 г. 31% сообщений, первоначально опубликованных в телеграмм-чатах численностью до 50 участников, впоследствии набрали свыше 10 000 просмотров исключительно за счёт функции «переслать» [8. С. 190]. Классический иллюстративный кейс – уголовное дело «Д. П.», возбужденное по признакам ч. 2 ст. 280 УК РФ: призывы, высказанные в локальном чате студсовета (23 адресата), были скрин-капчером вынесены в публичный канал «N» (~180 000 подписчиков); к моменту удаления первоисточника репост уже набрал свыше 90 000 просмотров и более 2 400 перепубликаций, что послужило основанием для квалификации как публичного распространения экстремистских материалов.

Схожие коллизии фиксируются и во «ВКонтакте». Отчёт самой площадки (VK Tech Report, 2024) показывает, что порядка 42% записей в индивидуальной ленте пользователей формируется алгоритмом «Рекомендации» из контента сообществ, на которые пользователь не подписан [9. С. 7]. Именно посредством такого механизма сатирический мем 16-летней N, изначально размещённый в режиме «друзья» (55 адресатов), достиг 68 000 просмотров и стал предметом уголовного преследования по ст. 282 УК РФ.

Наконец, видео-платформы демонстрируют ещё более выраженный эффект тиражирования. Открытая статистика TikTok за 2023 г. свидетельствует: более 60% суммарных просмотров формирует лента «For You», основанная на выборке популярного контента [10]. Через такой канал «вирусного» распространения клип-пародия блогера N с клеветническими утверждениями о преподавателе вуза – записанный в режиме прямого эфира для аудитории около 300 зрителей – за 48 часов собрал свыше 1,2 млн просмотров. По факту была возбуждена проверка по ст. 128.1 УК РФ. Следствие столкнулось с необходимостью учитывать сохранённые «дублеты», ремиксы и зеркальные копии, зафиксированные экспертами на 27 сторонних ресурсах, что объективно затруднило определение момента окончания противоправного распространения.

Таким образом, эмпирические данные демонстрируют несоответствие классического признака публичности особенностям цифровой среды. Это несоответствие усложняет реализацию принципа законности (ст. 3 УК РФ) и требует доктринального пересмотра критериев публичного распространения информации, а также институализации процессуальных правил фиксации момента окончания соответствующих преступлений.

Для нивелирования описанной проблемы необходимо предпринять следующие меры.

Первостепенной задачей законодательного вмешательства является конкретизация объективных признаков составов, предусмотренных ст. 128.1, 280 и 282 УК РФ, с учётом технологической природы сетевого распространения информации. Целесообразно дополнить указанные нормы легальным определением «публичного распространения в информационно-телекоммуникационных сетях», под которым следует понимать размещение сообщения в сегменте сервиса, функционально обеспечивающем доступ либо неопределённому кругу лиц, либо аудитории численностью свыше 500 уникальных пользователей в течение 24 часов. Наряду с этим предлагается перечислить цифровые способы доведения сведений до адресатов (репост, автоматическая рекомендация, скрин-капчер), тем самым устранив пробел, выявленный в правоприменительной практике.

Субъективная сторона подлежит уточнению посредством установления презумпции осведомлённости лица о публичном характере размещаемого контента, если оно приняло пользовательское соглашение, содержащее уведомление о потенциальном тиражировании публикаций алгоритмами площадки. Опровержение данной презумпции допустимо только при доказанном наличии технической ошибки, злоумышленных действий третьих лиц или иных обстоятельств, исключающих возможность контроля над распространением. Подобное решение позволит обеспечить баланс между принципом вины (ст. 5 УК РФ) и объективной опасностью цифровых коммуникаций.

Для разграничения уголовной и административной ответственности предлагается внести в КоАП РФ новую статью «Неправомерное распространение ограни-

ченного по охвату противоправного контента», предусматривающую административную санкцию, когда охват аудитории не превышает 500 уникальных пользователей, деяние носит однократный характер и не причинило существенного вреда охраняемым публичным интересам. Параллельно в Постановление Пленума Верховного Суда РФ целесообразно включить разъяснение, согласно которому наличие квалифицирующих обстоятельств – использования инструментов массового тиражирования, рецидива либо наступления тяжких последствий – трансформирует деяние в преступление. Указанная дифференциация обеспечит единообразие правоприменения и исключит дискрецию, противоречащую принципу справедливости.

Совершенствование доказательственной базы предполагает утверждение федерального стандарта «Единого электронного протокола осмотра сетевого контента», предусматривающего обязательное формирование хеш-слепок объекта с использованием алгоритма SHA-3, заверение квалифицированной электронной подписью следователя и хронометраж посредством доверенного сертифицированного сервиса меток времени. Дополнительно операторы информационных ресурсов с суточной аудиторией свыше 100 тыс. пользователей должны быть обязаны хранить логи событий не менее одного года и предоставлять их по мотивированному запросу органов дознания или суда. В целях процессуальной экономии следует институционализировать процедуру удалённого удостоверения факта публикации нотариусом с созданием централизованного депозитария цифровых доказательств при Минцифры России.

2. Проблема установления субъективной стороны речевой агрессии в условиях молодежной цифровой субкультуры

Судебно-следственная практика испытывает существенные затруднения при определении содержания субъективной стороны преступлений, связанных с речевой агрессией в молодежной цифровой среде. Прямой умысел на унижение достоинства, распространение заведомо ложных сведений или возбуждение ненависти часто маскируется под «шутку», «иронию» или «сатиру», реализуемые посредством специфических лингвистических и паралингвистических средств (эмодзи, мемы, сленговые выражения, визуальные триггеры). Современная молодежная коммуникация предполагает высокую степень амбивалентности смыслов, когда идентичные лексические единицы могут приобретать противоположное значение в зависимости от контекста. Существующие методики судебной лингвистической экспертизы не адаптированы к оценке поликодовых текстов, включающих аудиовизуальные элементы, эмодзи-комплексы и метатекстовые связи, что усложняет юридическую квалификацию деяния по субъективной стороне.

Рассмотрим обезличенные примеры из практики правоохранительных органов.

Так, в уголовном деле блогера N. предметом расследования стал видеоролик в сети TikTok, в котором фигурант использовал мем-шаблон «Pepe the Frog» с наложением эмодзи 🤩 и текстом «возьмёмся за руки,

братья, чтобы...», завершённым уничтожительной характеристикой в адрес группы лиц по национальному признаку. Защита настаивала на том, что публикация представляет собой «чёрный юмор» и фольклорную иронию, однако эксперты-лингвисты не смогли дать однозначного ответа о совокупном воздействии графики, текста и музыкального сопровождения, что вынудило назначить повторное комплексное исследование уже с участием специалистов по аудиовизуальным коммуникациям.

Показателен пример, связанный с закрытым Telegram-чатом студентов, размещавших цифровые фотоколлажи с визуальными эффектами и эмодзи 😂😂😂, высмеивавшие преподавателей по признаку пола и религиозной принадлежности. Первоначально производство велось по ст. 128.1 УК РФ (клевета), но после экспертного заключения о наличии «социально-дискриминационных триггеров» дело было переклассифицировано на ч. 1 ст. 282 УК РФ. Суд возвратил материалы прокурору именно ввиду неопределённости умысла: было неясно, стремились ли участники к возбуждению ненависти или ограничивались сатирой в узком кругу.

Наконец, в административном деле о публичном оскорблении (ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ) в отношении несовершеннолетнего N. фигурировал аудио-мем, распространённый через функцию «дзёт» в TikTok. Школьник заменил текст популярного трека фразой «какие вы кривые, старпёры», дополнив её звуками собачьего лая. Эксперты не смогли договориться, выступает ли «лай» в данном контексте метафорой, унижающей достоинство людей старшего возраста или служит нейтральным звуковым фоном.

Объективное наблюдение за современной судебной практикой демонстрирует устойчивую тенденцию к затруднению установления формы вины при правонарушении, совершаемых посредством поликодовой речевой агрессии в интернет-среде. Отсутствие в уголовно-правовых и административно-правовых нормах единых дефиниций «цифрового коммуникационного продукта» и «поликодового знака» (комбинация текста, эмодзи, аудио- и видеосоставляющих) препятствует точной квалификации деяний, поскольку традиционные лингвистические методики основаны преимущественно на анализе вербального компонента. В целях устранения указанного пробела целесообразно дополнить примечания к статьям 128.1, 280 и 282 УК РФ легальным понятием поликодового сообщения, а также утвердить на уровне методических рекомендаций Верховного Суда перечень объективных индикаторов речевой агрессии (повторяемость оскорбительных паттернов, наличие уничтожительных хештегов, тематическая последовательность публикаций).

Уточнение субъективной стороны предполагает регламентацию признаков прямого умысла в цифровой коммуникации. Проектируемая «Методика комплексного психолого-лингвистического исследования поликодовых текстов», подлежащая утверждению Минюстом, должна включать:

а) уровневый анализ вербального, графического и аудиовизуального слоёв;

б) учёт площадки распространения (публичная, полуприкрытая, закрытая);

в) оценку статуса субъекта (лидер мнения, администратор группы, рядовой пользователь). Фиксация мотивирующих факторов (социальная неприязнь, корыстное желание повысить трафик) и целеполагания (возбуждение ненависти, распространение порочащих сведений) позволит надёжно воспроизвести внутреннюю сторону деяния в доказательственном пространстве уголовного процесса.

Разграничение между уголовной и административной ответственностью следует осуществлять на основе четырёх критериев, формализуемых в постановлении Пленума Верховного Суда. Во-первых, масштаб распространения: охват аудитории свыше 500 уникальных пользователей или использование алгоритмических рекомендательных лент образует повышенную общественную опасность, что обоснованно переводит деяние в сферу уголовного права. Во-вторых, защищаемый объект: посягательство на конституционные гарантии равенства групп, выделяемых по расовому, национальному или религиозному признаку, подлежит уголовно-правовой охране; оскорбление неидентифицированных возрастных либо профессиональных сообществ – административно-правовой. В-третьих, интенсивность воздействия: публичные призывы к насилию и распространение заведомо ложных фактов свидетельствуют о большей общественной опасности. В-четвёртых, повторность: систематическое размещение аналогичных материалов (не менее трёх эпизодов в течение месяца) квалифицируется как преступление независимо от аудитории.

Совершенствование доказательственной базы в условиях электронного документооборота возможно через внедрение сквозной цифровой цепочки хранения электронных доказательств. АИС МВД целесообразно дополнить модулем, автоматически формирующим криптографический хеш-идентификатор каждого фиксационного файла (скриншот, видеозапись, аудиофайл) с привязкой к серверному времени, что обеспечит доказательственную непрерывность при последующем удалении контента пользователем. Необходимо также нормативно закрепить 24-часовой срок предоставления администраторами платформ логов доступа, IP-адресов и метаданных по электронному запросу, подписанному усиленной квалифицированной электронной подписью должностного лица. При Экспертно-криминалистическом центре МВД следует сформировать федеральный «Реестр мемов и эмодзи», содержащий экспертное толкование визуальных символов и их оценочно-социальную нагрузку, что минимизирует субъективизм при проведении экспертиз.

3. *Проблема процессуальной фиксации и доказывания фактов речевой агрессии в цифровой среде*

Текущая следственная практика демонстрирует отсутствие унифицированных подходов к сбору, фиксации и процессуальной легитимации цифровых доказательств речевой агрессии. Проблематичным остается достоверное установление авторства и неизменности цифровых следов (лог-файлов, метаданных, скриншо-

тов), без которых невозможно сформировать надлежащую доказательственную базу по делам о кибербуллинге и моббинге.

Сложность идентификации реальных лиц за анонимными аккаунтами, временными регистрациями и прокси-сервисами создает существенные препятствия для правоприменения. Особую сложность представляет процессуальная фиксация эфемерного контента (сторис, временных сообщений), который автоматически удаляется через определенные интервалы времени, но может оказывать деструктивное психологическое воздействие. При этом объемная информационная среда молодежной коммуникации требует специализированных компетенций для отграничения юридически значимых фрагментов от общего контекста взаимодействия.

Системная профилактика кибербуллинга и моббинга невозможна без нормативного уточнения объективных и субъективных признаков соответствующих деяний. Предлагается легализовать в примечаниях к ст. 128.1, 280 и 282 УК РФ, а также к ст. 5.61 и 20.1 КоАП РФ термин «цифровая агрессия» как совокупность неоднократных (не менее трёх в течение 30 календарных дней) коммуникационных актов, осуществляемых через информационно-телекоммуникационные сети и направленных на унижение чести и достоинства потерпевшего либо группы лиц. В качестве объективных индикаторов прямого умысла подлежат фиксации: таргетированное упоминание жертвы, устойчивые уничижительные хештеги, мем-шаблоны или эмодзи, а также применение средств анонимизации (VPN, прокси, disposable-аккаунты). Субъективную сторону предлагается презюмировать как прямой умысел, если установлено намеренное удаление агрессором контента или активация функций автоудаления, что свидетельствует о предвидении общественно опасных последствий и желании избежать ответственности.

Разграничение уголовной и административной юрисдикции целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда на основе трёх совокупных критериев. Во-первых, масштаб распространения: достижение контента аудитории свыше 500 уникальных пользователей либо использование алгоритмических рекомендательных лент образует повышенную общественную опасность, требующую уголовно-правового преследования. Во-вторых, тяжесть последствий: причинение тяжкого вреда здоровью, суицидальная попытка или заключение специализированного врача о стойком расстройстве адаптации квалифицируются как преступление. В-третьих, социальная уязвимость потерпевшего: несовершеннолетие, инвалидность, принадлежность к расовой, национальной, религиозной или гендерной группе является квалифицирующим обстоятельством и исключает применение административной нормы независимо от охвата аудитории и характера последствий.

Повышение доказательственной состоятельности расследований требует законодательного закрепления «сквозной цифровой цепочки» хранения электронных

доказательств: каждому артефакту (скриншот, видеофайл, html-дамп) присваивается криптографический хэш с отметкой времени, синхронизированной по государственному эталону, и он подлежит обязательному помещению в депозитарий электронных доказательств. Владельцы платформ обязаны в течение 24 часов с момента получения мотивированного процессуального запроса предоставить неизменённые лог-файлы, резервные копии эфемерного контента и метаданные в формате WORM-реплик, заверенных квалифицированной электронной подписью. Дополнительно вводится институт «цифрового нотариата», предусматривающий процессуальную фиксацию исчезающего контента через API площадок путём формирования пакета «скрин-протокол» (изображение экрана, исходный код, PCAP-трафик), стандартизованного ГОСТ «Digital-Evid-2024».

Вывод

Исследование проблем уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде позволяет констатировать наличие существенных пробелов в нормативно-правовом регулировании и правоприменительной практике. Действующие уголовно-правовые конструкции характеризуются нормативной архаичностью в контексте квалификации признака публичности, недостаточной адаптированностью к поликодовым коммуникациям, а также процессуальной неопределенностью фиксации цифровых доказательств, что создает предпосылки для формирования контрпродуктивной дискреции при правоприменении. Отсутствие легальных дефиниций «цифровой агрессии», «поликодового сообщения» и «публичного распространения в информационно-телекоммуникационных сетях» существенно затрудняет квалификацию деяний по ст. 128.1, 280 и 282 УК РФ в условиях динамичного смещения частного и публичного статусов контента.

Результаты проведенного исследования обуславливают необходимость комплексного совершенствования материально-правовых и процессуальных норм в рассматриваемой сфере. Приоритетными направлениями модернизации выступают: во-первых, институционализация криминообразующих признаков цифровой речевой агрессии с учетом технологической природы сетевого распространения информации; во-вторых, разработка и нормативное закрепление методики комплексного психолого-лингвистического исследования поликодовых текстов, учитывающей вербальный, графический и аудиовизуальный компоненты; в-третьих, формирование процессуального института «цифрового нотариата» и системы депозитария электронных доказательств с обязательным присвоением криптографического хеш-идентификатора каждому фиксационному файлу. Имплементация указанных мер позволит нивелировать выявленные правоприменительные коллизии и обеспечить эффективное противодействие деструктивным коммуникативным практикам в молодежной цифровой среде.

Список источников

1. Немировская Е.П., Алексеева В.С. Особенности медиапотребления поколения Z в социальных сетях. М. : Директ-Медиа, 2024. 160 с.
2. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 300 с.
3. Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. № 6. С. 87–103.
4. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26, № 2. С. 109–116.
5. Енина Л.М. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002. С. 254–259.
6. Кузовлев В.П., Кузовлева Н.В., Пачина Н.Н., Черных Л.А. Некоторые причины деструктивного поведения и особенности психологического террора детей и молодежи при работе в интернете // Управление образованием: теория и практика. 2017. № 3 (27). С. 20–32.
7. Аллаярова Н.И. Кибербуллинг в киберпространстве // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. 2020. № 4 (56). С. 176–180.
8. Кузьминов С.К. Технологии маркетинга в интернет-среде // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 8, № 3 (156). С. 188–193.
9. Самохвалова О.С., Уляшев К.Д. Разработка приложения для построения рекомендаций сообществ социальной сети ВКонтакте // Программные продукты, системы и алгоритмы. 2018. № 3. С. 5–9.
10. TikTok запускает кнопку сброса фиды For You. URL: <https://applepro.news/tiktok-zapuskaet-knopku-sbrosa-fida-for-you/> (дата обращения: 01.06.2025).

References

1. Nemirovskaya, E.P. & Alekseeva, V.S. (2024) *Osobennosti mediapotrebleniya pokoleniya Z v sotsial'nykh setyakh* [Features of Generation Z Media Consumption on Social Networks]. Moscow: Direkt-Media.
2. Shcherbinina, Yu.V. (2001) *Verbal'naya agressiya v shkol'noy rechevoy srede* [Verbal aggression in the school speech environment]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
3. Sedov, K.F. (2005) *Agressiya i manipulyatsiya v povsednevnoy kommunikatsii* [Aggression and manipulation in everyday communication]. *Yurilingvistika*. 6. pp. 87–103.
4. Vorontsova, T.A. (2016) *Trolling i fleyming: rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii* [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2 (26). pp. 109–116.
5. Enina, L.M. (2002) *Rechevaya agressiya i rechevaya tolerantnost' v sredstvakh massovoy informatsii* [Speech aggression and speech tolerance in the media]. In: *Rossiyskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedeniya* [Russian Press in a Multicultural Society: Tolerance and multiculturalism as guidelines for professional behavior]. Moscow: Nezavisimyy institut kommunikativistiki. pp. 254–259.
6. Kuzovlev, V.P. et al. (2017) *Nekotorye prichiny destruktivnogo povedeniya i osobennosti psikhologicheskogo terrora detey i molodezhi pri rabote v internete* [Some causes of destructive behavior and features of psychological terror of children and young people when working on the Internet]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 3 (27). pp. 20–32.
7. Allayarova, N.I. (2020) *Kiberbullying v kiberprostranstve* [Cyberbullying in cyberspace]. *Nauchnye trudy YuKGU im. M. Auezova*. 4 (56). pp. 176–180.
8. Kuz'minov, S.K. (2025) *Tekhnologii marketinga v internet-srede* [Marketing technologies in the Internet environment]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 3-8 (156). pp. 188–193.
9. Samokhvalova, O.S. & Ulyashev, K.D. (2018) *Razrabotka prilozheniya dlya postroeniya rekomendatsiy soobshchestv sotsial'noy seti VKontakte* [Developing an application for building recommendations for VKontakte social network communities]. *Programmnye produkty, sistemy i algoritmy*. 3. pp. 5–9.
10. Applepro.news. (2025) *TikTok zapuskaet knopku sbrosa fida For You* [TikTok launches a For You feed reset button]. *Applepro.news*. [Online] Available from: <https://applepro.news/tiktok-zapuskaet-knopku-sbrosa-fida-for-you/> (Accessed: 01.06.2025).

Информация об авторе:

Синяева М.И. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: mari_sinyayeva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.I. Sinyayeva, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: mari_sinyayeva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 19.06.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.